

В. Г. Белинский

**Алексей Васильевич
Кольцов**

Виссарион Григорьевич Белинский

Алексей Васильевич Кольцов

«...Как поэт Кольцов был явлением весьма примечательным. Он обладал талантом сильным, глубоким и энергическим и, несмотря на то, должен был оставаться в довольно ограниченной сфере искусства – сфере поэзии народной. В своих «Думах» он рвался к другим, высшим мирам жизни и мысли, но выражал их всегда в своей однообразной народной форме. Если же смотреть на стихотворения Кольцова как на произведения народной поэзии, которая уже перешла через себя и коснулась высших сфер жизни и мысли, – то они останутся навсегда одними из любопытнейших явлений русской литературы и поэзии...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Алексей Васильевич Кольцов**

Еще смерть, еще утрата – еще не стало одного примечательного человека в русской литературе и русском обществе, которые по справедливости могли гордиться им: известный поэт русский, Алексей Васильевич Кольцов, скончался в Воронеже, прошлого года, в октябре месяце, на *тридцать третьем* году от роду... Тяжела и горька была жизнь этого человека, страшна была смерть его... В продолжение почти двух лет он медленно хилел и таял, проводя время в лечении, то оправляясь, то вновь и еще сильнее одолеваясь тяжким внутренним недугом... Крепкая и сильная натура его могла бы еще преодолеть болезни тела, но семейные огорчения, совершенное одиночество среди близких ему, но не понимавших его людей, потерянное время в прошедшем и безнадежность в будущем, горькие разочарования в том, что любил и за любовь к чему встретил вражду и ненависть, потрясли в основании этот мощный и благородный дух... Пожираемый лютою чахоткою, одинокий и отчаянный, лишенный не только участия – даже пособий врачебных (ибо ему не на что было покупать лекарства), Кольцов

окончил страдальческую жизнь свою 19 октября прошлого года, в три часа пополудни... Кто знал этого человека лично и умел понимать и ценить его, – для тех неожиданное и уже позднее известие о смерти его было истинным ударом...

Кольцов родился в Воронеже 1809 года, октября 2-го дня{1}. Его не совсем основательно называли поэтом-самоучкою, смешивая с простолюдинами, которые, в зрелых летах выучившись грамоте, сочли это за право кропать стихи. Кольцов знал грамоте с малолетства; по инстинкту, он всегда стремился к сближению с людьми, отличенными искрою божиею, – и никогда не обманывался в своем выборе. Рано проснулась в нем страсть к чтению, и жадно читал он всякую книгу, какая только попадалась ему под руку. Дружба с одним молодым человеком, *Серебрянским*, подобным ему горемыкою, которого также уже нет на свете, имела сильное и решительное влияние на внутреннюю жизнь Кольцова. Серебрянский был человек замечательный, с душою, с умом, с редкими дарованиями, – чему может служить доказательством статья

его «Мысли о музыке» [1]. Получив образование схоластическое, Серебрянский взял от него только одни, хотя и скудные, сведения, и сам довершил свое воспитание чрез чтение и через суровую школу нужды, бедности и тяжелого опыта, в борьбе с которыми и пал, сраженный преждевременною смертию... Потом судьба свела Кольцова с одним из тех людей, которые не всегда бывают известны обществу, но благоговейная память и таинственные слухи о которых из тесного кружка близких им людей переходят иногда и в общество: мы говорим о *Станкевиче*... Через него Кольцов вошел именно в такой круг людей, которого всегда жаждала душа его, – и единственными счастливыми эпохами в его жизни были встречи его с этими людьми, во время его поездок по торговым делам отца в Москву и Петербург. Небольшая книжка изданных в свет его стихотворений{2} доставила ему честь личного знакомства с Пушкиным, Жуковским, князем Вяземским, князем Одоевским и другими известными литераторами, – и он был всеми ими радушно принят и облакан. Некоторые изъявили ему свое участие

даже оказанием помощи в делах его, – и в этом случае Кольцов особенно хранил признательную память к князю Вяземскому. 1836–1840 годы были самые счастливые для его развития. Кольцов тогда был необходим для дел отца своего и потому часто бывал и долго жил в Москве и Петербурге, приобретая себе книги и на собственные средства и получая их в подарок от всех знакомых ему литераторов. Но, несмотря на то, он всегда чувствовал, что его воспитание невосвратимо заключило его в ограниченный круг нравственного существования, – и его глубокий, смелый, ясный ум, верный такт действительности служили ему больше к горестному сознанию этой истины, чем к выходу из заколдованной черты, обведенной вокруг него судьбою. И он глубоко страдал, видя, что многое для него мудрено и непостижимо потому только, что ново и непривычно. С ранних лет ринутый в жизнь действительную, он коротко знал, глубоко понимал ее, – и, судя по его практическому такту, его иронической улыбке, его осторожному разговору, многие дивились, как он в то же время мог быть поэтом...

Есть люди, которые смотрят на поэта, как на птицу в клетке, и заговаривают с ним для того только, чтоб заставить его петь: так любители соловьев трут ножик о ножик, чтоб звуками этого трения вызвать птицу на пение... Зная хорошо действительную жизнь, участвуя, поневоле, в ее дрязгах, Кольцов не загрязнил души своей этими дрязгами: его душа всегда оставалась чиста, возвышенна, благородна, хотя ироническая улыбка никогда не сходила с уст его... Противоречие между действительностью, в которую бросила его судьба, и между внутренними потребностями души, – вот что всегда было причиной его страданий и вот что наконец свело его в раннюю могилу. Одаренный характером сильным, Кольцов умел терпеть; но всякому терпению бывает конец: он все мог перенести, только не ядовитую ненависть тех, кого любил и от кого оторваться навсегда у него не было внешних средств...

Как поэт Кольцов был явлением весьма примечательным. Он обладал талантом сильным, глубоким и энергическим и, несмотря на то, должен был оставаться в довольноно

ограниченной сфере искусства – сфере поэзии народной. В своих «Думах» он рвался к другим, высшим мирам жизни и мысли, но выражал их всегда в своей однообразной народной форме. Если же смотреть на стихотворения Кольцова как на произведения народной поэзии, которая уже перешла через себя и коснулась высших сфер жизни и мысли, – то они останутся навсегда одними из любопытнейших явлений русской литературы и поэзии. О них нельзя судить порознь, но, собранные вместе, они представляют нечто целое – самобытную и интересную в самой ограниченности своей сферу творчества. Друзья покойного поэта, горячо любившие его и как человека, желая достойно почтить его память, намерены издать в скором времени *избранные* его стихотворения, с его портретом, facsimile и биографией){3}.

Сноски

1

«Московский наблюдатель» 1838 года, том XVII, стр. 1.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Кольцов родился 3(15) октября 1809 г. и умер 29 октября (10 ноября) 1842 г.

[^^^]

2

«Стихотворения». М., 1835.

[^^^]

Издание было осуществлено лишь через несколько лет: «Стихотворения. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». СПб., Н. Некрасов и П. Прокопович, 1846.

[^^^]

[^^^]